

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МИКЕНОЛОГИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

(Брно, апрель 1966 г.)

Выдающееся открытие молодого английского ученого Михаила Вентриса, расшифровавшего в 1953 г. крипто-микенские надписи XIII—XII вв. до н. э., положило начало развитию новой и весьма многообещающей отрасли науки об античности — микенологии. С каждым годом растет число стран, в которых появляются исследования по микенологии, и число ученых, занимающихся ее проблемами.

Согласно данным, опубликованным в связи с десятилетием дешифровки, за период с 1953 г. по 1956 гг. вышло в свет 155 работ 61 автора, в 1957 и 1958 гг. — 277 работ 91 автора, в 1959 и 1960 — 443 работы 123 авторов почти из 30 стран¹. В изучении крипто-микенских текстов и связанных с их дешифровкой проблем принимают в настоящее время участие крупнейшие языковеды, историки, литературоведы, археологи и диалектологи античности. После первой международной встречи во французском городке Жиф-сюр-Ивет в 1956 г. съезды и симпозиумы микенологов стали хорошей традицией. В 1958 г. они собирались в Италии, в 1959 г. — в Англии, в 1961 г. — в США, в 1962 г. — в Греции и т. д.

Очередная встреча микенологов состоялась с 12 по 14 апреля 1966 г. в Чехословакии, в гор. Брно, в рамках международной научной конференции «Античность и современность», организованной Чехословацкой Академией наук и Министерством образования и культуры ЧССР. Инициатором этой встречи была кафедра античной культуры университета им. Пуркине (гор. Брно) и, в частности, ее глава — Антонин Бартошек.

Микенологический симпозиум, впервые собравшийся в одной из стран социализма, привлек внимание большого числа ученых. В его работе приняли участие: Дж. Чадвик и Р. Крослэнд (Англия), О. Семереньи и А. Хойбек (ФРГ), М. Дорна и С. Кальвик (Италия), Ж.-П. Оливье и Л. Деруа (Бельгия), Я. Харматта (Венгрия), М. Петрушевский (Югославия), А. Бартошек (Чехословакия), И. Фишер и Ч. Погирк (Румыния) и другие.

На заседаниях симпозиума было заслушано свыше 20 докладов. Их проблематика отражала различные аспекты микенологических исследований.

Первая группа докладов была связана с изучением кносского и пилосского архивов, вторая — с исследованием общественно-политического строя микенского общества, в третьей рассматривались вопросы диалектологического характера, четвертая была посвящена языковой интерпретации крипто-микенских надписей, пятая — развитию микенологии в социалистических странах.

Открывая симпозиум, председательствующий М. Петрушевский (Скопье) от имени его участников обратился с приветствием на греческом языке к признанному главе микенологических исследований, сподвижнику М. Вентриса — английскому ученому Дж. Чадвику.

Дж. Чадвик (Кембридж) выступил затем с докладом на тему «Организация микенских архивов». В настоящее время, отметил докладчик, в нашем распоряжении имеется свыше 3 000 табличек линейного письма В, если не считать нескольких сот более мелких фрагментов. За редким исключением, отдельные таблички не составляли сами по себе самостоятельных документов. Они были задуманы как часть серии, которая могла включать сотню или больше надписей. Нам известны некоторые такие серии, составляющие единый документ. Сюда можно, например, отнести пилосскую серию Та, содержащую опись сбруи и другого снаряжения, или серию ока, касающуюся дозорной службы в прибрежных районах. Каждый из этих документов состоит из определен-

¹ См. J.-P. Olivier, Le mycénien à la veille du dixième anniversaire de son déchiffrement par M. Ventris. «Revue de l'Université de Bruxelles», т. 15, 1962—1963, № 1—2, стр. 40.

ного числа табличек приблизительно одинаковой формы; первая из них выделяется благодаря вводной рубрике, не повторяющейся в остальных. К сожалению, у нас нет никакой гарантии, что расположение всех остальных табличек правильное. Лишь в очень редких случаях удалось при раскопках сохранить первоначальное местоположение табличек, как это получилось с кносской серией Рр.

До сих пор микенологи придерживались классификации надписей, предложенной еще до дешифровки крито-микенских текстов американским исследователем Э. Беннеттом. В ее основе лежит принцип учета идеограмм и повторяющихся в тексте формул; каждая надпись обозначается двумя буквами латинского алфавита, первая из которых указывает на соответствующую серию. Однако, подчеркнул Дж. Чадвик, пришло время с учетом данных расшифровки модифицировать прежнюю систему классификации табличек, заменив, где это возможно, деление по сериям делением по так называемым комплектам (sets). Комплект — это группа надписей, которые по замыслу тех, кто их сочинял, должны были составлять единый документ. На это указывает и система хранения табличек в ящиках или корзинах с соответствующей, определяющей их содержание, биркой. В связи с этим важное значение приобретает выяснение и уточнение первоначального расположения каждой таблички. Можно предполагать, что в восстановлении пиловских комплектов определенную помощь окажет до сих пор не опубликованный дневник раскопок.

Однако, что касается Кносса, пожар и разрушение дворца привели к несомненному нарушению условий хранения табличек. Становится поэтому необходимым восполнить отсутствие информации о месторасположении надписей другими способами. Первым и наиболее очевидным является установление общности содержания. Другим способом следует считать изучение почерков (рук) различных писцов. Эта работа была начата Э. Беннеттом с пиловскими текстами и блестяще продолжена Ж.-П. Оливье — с кноскими. Благодаря изучению почерков Ж.-П. Оливье удалось выявить ранее не замеченные связи между целым рядом табличек. Третий путь получения дополнительной информации — изучение внешних свойств табличек: их размеров, формы, величины знаков. Можно предполагать, что таблички одного комплекта имели в основном одинаковую форму и размер, а иногда были и одинакового цвета. Вместе с тем следует иметь в виду, что некоторые надписи могли содержать вымышленные имена и факты. Дело в том, что проходящие обучение будущие писцы практиковались, несомненно, в производстве и надписывании табличек. Такие тексты очень трудно отличить от настоящих документов. Не исключено, что именно к этой группе относится табличка X 114, текст которой — идентичный с обеих сторон — мог быть написан красиво и ровно инструктором на одной стороне, неумело и неуклюже учеником — на другой.

В заключение своего доклада Дж. Чадвик отметил, что путь к пересмотру классификации табличек открыт и можно ожидать, что перегруппировка накопленного материала даст микенологам новую дополнительную информацию. Изучение в этом плане кноских документов усиленно ведется в настоящее время в Кембридже.

Доклад Ж.-П. Оливье (Брюссель) был посвящен кноским писцам. На основании палеографического изучения надписей, найденных в Кноссе, автор приходит к заключению, что из 3500 изданных и издаваемых в настоящее время табличек 2500 (т. е. 72%) можно отнести за счет 41 «основной» и 25 «второстепенных» рук. Число кноских писцов удается определить при этом лишь приблизительно — от 50 до 100. Они были распределены по ряду бюро, выполнявших определенные виды работ. По предварительным и находящимся еще в стадии экспериментальной проверки данным в кноском дворце работали: 1) два неспециализированных (или, по меньшей мере, с неустановленной до сих пор специализацией) бюро; в первом, расположенном в «Комнате повозочных табличек», обнаруживаются следы работы почти 10, во втором («Площадка с бычьим рельефом») — свыше 40 писцов; 2) два бюро специализированных, одно в отделе текстильного производства (прием шерсти, ее выдача для переработки, прием готовых изделий), другое в отделе, обслуживающем потребности культа (регистрация приношений, прием ароматических продуктов, пряностей, меда, масла); в первом (северная часть «Западных складов») насчитывалось свыше 10, во втором (восточная часть «Длинного коридора») — чуть меньшее число писцов; 3) два специализированных бюро в отделе овец (на нем базировалось производство текстиля); в первом (южная часть «Западных складов») было пять, во втором («Восточно-западный коридор») — три писца, у одного из которых имелось в активе 500 табличек; 4) специализированное бюро в отделе личного учета (в восточной части центрального двора), в нем было три писца; 5) бюро, специализировавшееся на учете повозок, колес, различного оружия («Арсенал»), при нем находилось четыре писца.

Уже на настоящей стадии изучения вопроса есть основание думать, что ни одно из бюро не было географически специализированным; каждый писец отвечал за небольшой участок хозяйства; писцы были, как правило, прикреплены к одному бюро; кое-где у бюро имелась своя «графическая традиция»; часть табличек следует отнести за счет учителей, часть — за счет учеников; возможно, во дворце не было специальной школы, и ученики обучались по месту работы.

Л. Деруа (Льеж) в своем докладе «Новая интерпретация табличек ока» возражает против предложенной несколько лет тому назад и общепринятой в настоящее время гипотезы Л. Палмера и Г. Мюлештейна. Согласно этой гипотезе, таблички An 657, 661, 519, 654, 656 содержат сведения, относящиеся к военной защите прибрежных рай-

онов Мессенин. В табличках перечисляются свыше 800 человек, которые действовали в десяти секциях, называемых ока. Речь идет, несомненно, о какой-то организации, обслуживающей значительную территорию. Однако это не военная организация, говорит Л. Деруа. Заголовок таблички An 657: ouuto opia₂га epikowo он предлагает читать как ωε*Γρύτοι *επία₂ρα επίκουροι и переводит «так помощники взимают налог (повинности)». Термин ока следует понимать как ὄχα (ὄχη) «прием» (ср. гл. ἐχεῖν), затем «пункт приема (приемщика)». Таким образом, мы имеем в табличках ока дело с организацией, выполняющей отнюдь не военные, а административные и финансовые функции.

Я. Харматта (Будапешт) в своем докладе «К проблеме Ахийява» сделал интересную попытку новой интерпретации термина Ахийява с учетом данных хеттологии, с одной, и микенологии, с другой стороны.

В докладе Р. Крослэнда (Шеффилд) были рассмотрены в сравнительном плане некоторые явления хеттского и микенского общественного и государственного строя.

Среди лингвистических сообщений внимание участников симпозиума привлек, прежде всего, доклад О. Семереньи (Фрейбург) «Сравнительная степень прилагательных в микенском и историческом греческом языке и ее индоевропейская основа». Крито-микенские тексты значительно обогатили наши сведения о греческом языке. Они сохранили до нас ряд явлений, утраченных впоследствии и не представленных уже в гомеровских поэмах. В области фонологии сюда относятся лабио-велярные, в области морфологии — перфектное причастие, в котором еще отсутствует характерный для позднейшего греческого суффикс -τ-. О. Семереньи подвергает анализу встречающиеся в кносских и пилосских надписях формы сравнительной степени греческих прилагательных и показывает, что они не только архаичнее более поздних, известных нам издавна форм, но и позволяют в ряде случаев уточнить, а кое-где и опровергнуть наши прежние представления об их индоевропейских прототипах.

К. Рейх (Ruijgh) (Амстердам) посвятил свое выступление рассмотрению термина amatejana (de) (PY Vn 10.2) «колесная мастерская»; М. Жерар (Льеж) — анализу слов etive (PY Fr 1209) и aetito (PY Fr 1200), первый из которых он предлагает переводить «отфильтрованный», второй — «неотфильтрованный»; П. Ватле (Wathelet) (Льеж) — рассмотрению глаголов ἐρύω и ἐρύαμι в микенских текстах и в формулах греческой эпопеи.

М. Петрушевский остановился в своем докладе на одной из фонетических особенностей пилосских надписей — чередовании гласных и : е (arudoke : aredoke) — и высказал предположение, что ее появление в греческом языке связано с влиянием догреческого (пеласгического?) языкового субстрата. М. Дория (Триест) рассмотрел в своем выступлении особенность микенской графики, заключающуюся в написании р, k, t- в группах sp-, sk, st- (pei ~ σπεῖς, koino ~ σχοῖνος, rema ~ σπέρις), и предложил новое объяснение этому явлению. И. Фишер (Бухарест) сделал сообщение об опыте исследования статистическим методом взрывных согласных в микенском греческом диалекте и выявленных им при этом закономерностях.

А. Бартошек (Брно) выступил с докладом «Греческая диалектология после дешифровки линейного письма В». Проанализировав развитие греческой диалектологии за прошедшие 13 лет, докладчик указал, что в настоящее время определилось несколько точек зрения относительно характера «микенского диалекта». Это, во-первых, минималистская теория, отождествляющая микенский с аркадско-кипрским (Адрадос). Это, во-вторых, теория, рассматривающая микенский как диалект аркадско-кипрско-аттико-ионического типа (Пизани, Рипп, Чадвик). Это, в-третьих, теория об аркадско-кипрско-эолийском характере микенского (Палмер, Товар, Лурье). Это, в-четвертых, теория микенской койнэ, т. е. смешанного языка, базирующегося на ионийско-эолийском (Георгиев), ахейско-ионийском (Гринбаум). Какая из этих теорий наиболее близка к истине, пока еще определить трудно. Выяснению этого могло бы способствовать разрешение микенологами целого комплекса проблем. Первая группа этих проблем касается происхождения диалектных различий в архаическом греческом языке, вторая — образования и характера самого «микенского диалекта», третья — возможного влияния «микенского» на диалекты классического периода.

В докладе «Крито-микенские тексты и язык древнегреческой хоровой лирики» Н. С. Гринбаум (Кишинев) поставил вопрос о привлечении данных микенологии к решению проблемы формирования языка греческой хоровой лирики. Основываясь на анализе Пиндаровых сложных имен с глагольной основой, встречающихся в крито-микенских текстах и не представленных у Гомера, докладчик пришел к выводу о том, что источники, питающие язык древнегреческой хоровой лирики, могли быть в ряде случаев древнее гомеровских поэм.

К. П. Коржева (Алма-Ата) сделала сообщение на тему «Крито-микенское общество в советской историографии», ознакомив участников симпозиума с основными проблемами микенологии, над которыми работают советские историки, и с их трудами по

последним докладчиком был А. Бартошек. Он сообщил о микенологических исследованиях в социалистических странах, входящих в комитет «Эйрене», и подчеркнул,

что ученые этих стран уже внесли и продолжают вносить свой вклад в изучение крито-микенских текстов. Наглядным этому подтверждением служат работы В. Георгиева (Болгария), Я. Харматты и К. Мароти (Венгрия), Г. Гейсса (ГДР), Я. Сафаревича (Польша), А. Френкиана и А. Граура (Румыния), Б. Грозного и Л. Згусты (Чехословакия), М. Петрушевского и П. Илиевского (Югославия) и многих других. А. Бартошек отметил заслуги советских исследователей в области микенологии. В до-вентрисовский период постоянный интерес к ее проблемам проявляли А. И. Тюменев и С. Я. Лурье. Я. А. Ленцман был одним из первых, кто в 1954—1955 гг. познакомил советскую научную общественность с результатами открытия М. Вентриса. И. М. Тронский высказывался в 1958 г. — в период антивентрисовской кампании на Западе — за изучение крито-микенских надписей, видя в этом одну из важных задач советской классической филологии. Развитие микенологии в СССР, сказал далее докладчик, идет в двух направлениях. Это, с одной стороны, языковые исследования (Лурье, Гринбаум), с другой, — исторические (Лурье, Ленцман). Особо следует отметить труд С. Я. Лурье «Язык и культура микенской Греции» — единственный пока критический обзор микенской культуры, изданный в странах комитета «Эйрене». Заслуживает внимания и единственная в своем роде книжка для детей на микенологическую тему «Заговорившие таблички», написанная С. Я. Лурье.

С заключительным словом к участникам микенологического симпозиума обратился Дж. Чадвик. Указав на плодотворность работы конференции и ее значение для расширения контактов между микенологами различных стран, он выразил сердечную благодарность оргкомитету и его председателю А. Бартошеку за гостеприимство и хощую организацию симпозиума. Дж. Чадвик призвал к дальнейшей координации усилий ученых всех стран для решения стоящих перед микенологами ответственных задач.

Н. С. Гринбаум